

Патриарх Никон

и его противники в деле исправления церковных обрядов.

Каптерев Н.Ф., 1911 г.

Глава III. Книжные исправления при патриархе Иосифе

Сознание, что наши церковные книги неисправны, заключают в себе много погрешностей, что их необходимо исправлять и притом по греческому тексту, существовало у нас давно. Книжные исправления Максима Грека, так печально окончившиеся для самого исправителя, были вызваны этим именно признанием неисправности существующих наличных славянских переводов. Ученики и сотрудники Максима, сами трудившиеся над книжными переводами, решительно заявляют, что славянские переводы книг неисправны, так как древние наши переводчики нередко плохо знали языки греческий и русский, и потому не могли сделать хороших переводов книг*. Но эти заявления просвещенных сотрудников и учеников Максима не имели практического значения, отчасти потому, что в русском обществе все глубже и шире распространялось предубеждение против греческих книг, будто бы испорченных еретиками; отчасти потому, что между русскими, даже высшими иерархами, совсем не было таких лиц, которые бы хорошо знали греческий язык и потому могли бы ратовать за необходимость исправлять наши книги по греческим, опровергая возникшее против них предубеждение. Приходилось по необходимости довольствоваться только одними славянскими переводами и в то время, когда у нас уже завелось печатание книг и когда, следовательно, нужда в исправных и однообразных списках сделалась особенно настоятельной. Старались для книг, готовившихся к печати, избирать самые лучшие и исправные списки, но это, оказалось, мало могло помочь делу - различные древние списки были очень неодинаковы и в то же время каждый из них был исполнен своих ошибок и погрешностей. Натолкнувшись на эти затруднения книжные справщики в извинение погрешностей, допущенных ими в печатных книгах, стали настойчиво заявлять в послесловиях издаваемых ими книг, что наши древние славянские переводы оказываются очень неодинаковыми вследствие неискusstва и недостаточного знания языка со стороны самих древних переводчиков, что к этому коренному недостатку присоединились потом и другие, происшедшие от ошибок, неискusstва и неудачных поправок разных переписчиков книг, людей нередко совершенно невежественных**.

* Нил Курлятев, переведший с греческого псалтырь под руководством Максима Грека, в предисловии пишет: "Якоже пишет Иван Златоустый, две же вины описаны неявиственна глаголаниа, рещи хочет, что ради есть: един убо есть, яко от еврейския беседы во еллинския приложишася; егда же язык во ин язык приложится, много имать неудобство

явление, но тин едины ведят, иже многим языком искусни суть; и старец Максим родом грек и научен философии в своем языке и второе по-римски язык и грамогв умел, третие наш язык знал довольно и грамоте умел вельми разумно, и пожаловал мне сказывал все известно и по тонку вся, и аз писал вся, как стоит в греческом разум и своим языком, вся же по ряду и прямо и без украшения. А прежний преводницы нашего языка известно не знали и они превели ино гречьски, ово словенскы, и ино сербскы и другая болгарскы, их же не удовлишась переложити на русский язык. А Киприан митрополит по-гречьски гораздо не разумел, и нашего языка довольно не знал же (аще и с нами един, наш язык, сиречь словенский, да мы говорим по своему языку чисто и шумно, а они говорят молодежово, и в писании речи наши с ними не сходятся) и он мнил ся, что правил Псалмов по нашему, а болши неразумие в них написал; и ныне многыя у нас и в ся время книги пишут, а пишут от неразумна все по-сербскы, и говорити по писму по нашему языку прямо не умеют, и многыя неразумные смущаются".

** В послесловии Минеи служебной 1607 года говорится, что царь Василий Иванович возвещает патриарху Гермогену, "дабы ему, иже по духу с сынми своими, соборне изсвидетельствовати вселетное обхождение книг дванадесят месяц Минеи; от многих бо лет сия книги, егда от греческаго языка на словеньский преложены, *и мнози древний преводницы и преписующеи или изрониша, или смесиша, или в чем погреша*". В предисловии к Уставу церковному, начатому печатанием в 1607 году, а оконченному в 1610 году, говорится: "От многих бо лет сия книга, егда от греческаго языка на словеньский преведена, и мнози преводницы, или преписующеи, или изрониша, или в чем погреша". В послесловии к Потребнику, начатому печатанием в 1631 году, а оконченному в 1633 году, говорится: "Слышавше бо благочестивейшие пастырие они, Богом венчанный царь и отец его святейший патриарх, *много некое и преизлишно еже в божественых писаниях разгласив*, еже к заповедем Господа нашего Иисуса Христа несличное стихословие, и сия разумно внемлюще немалу вину быти благочестию, и помышляюще, *кая и откуда есть вина такого разгласия божественых писаний церковного соединения*: и намного испытующе, и от божественых писаний извещевахуся, яко ничим же менее в житейских вещех истине быти в предреченной вине, точию за небрежение и леность и неведение божественных писаний, всяко несогласие и расстояние в церковнем соединении случашеся, и тако самовольне тернием небрежения путь правый покрывашеся". Ввиду этого царь и патриарх "восхотеста во святей велицей и апостольстей церкви несогласная в божественых писаниях согласием исправити... повелеста от градов книги харатейныя добрых переводов древних собирати и ко свидетельству божественных писаний благорассудный свой совет приподавати и от тех древних харатейных книг божественных писаний стихословие исправляти, яже неисправлением от преписующих и многолетних обычаев погрешена быша". С особенной силой о невозможности издавать исправные печатные книги на основании только старых славянских переводов заявляют справщики при патриархе Иосифе. Издавая в 1647 году книгу Иоанна Лествичника, они заявляют в послесловии: "Еще же вам, христоименитому достоянию, и о сем не неизвестно буди, яко не мали преводы сия святыя книги Лествицы к тиснению печатнаго дела собрани, еще же и самая та книга, Лествица, иже в Цареграде списася иноком трудолюбезным Ефремом, во обители пресвятыя владычицы нашей

Богородицы Иперивлепто, в лето 6929е, ко еси несогласиеш друга друзей в немале согласуют: иже в сей напреду, то в друзей назади, в преносе речения словес и не порядку, и не точию же се, но и в сущих речех и толкованиих много не сходятся; но не неназирахом бо в цареградскую, правления ради речений, зане баше в преводѣ крепчайши прочих, а не ряду. И о сем да никтоже на ны поречет, яко друга друзей книга не согласует: не нами бо сие, но от преже нас бывших, паче же, еже во гречех преводы с преводами несогласующеся, а и еще в древних летех. Якоже глаголет преподобный отец Никон, Черныя горы инок, вторыя своя книги в первом слове, сице: потребно же есть ведати, яко иже изначала сущая братия со мною сведят, яко различии типики, студийския же и иеросалимския, собрах и прочтох, и не согласишася един к другому, ниже студийский с другим студийским, ни иеросалимский с другим иеросалимским... Сице убо глаголет преподобный отец Никон, по сему убо и в прочих познаваем, якоже и сами ныне зрим несходство".

Повторяющиеся жалобы на неисправность древних славянских переводов, на их несогласие между собой в конце концов естественно должны были привести, особенно более образованных книжных справщиков, к мысли обратиться к греческим подлинникам и по ним править наши книги, так как только при этом условии будет полная возможность издавать у нас вполне исправные церковные книги. К этой именно мысли и пришли книжные справщики при патриархе Иосифе. Но так как у нас доселе книги исправлялись только по славянским переводам, а к греческим книгам большинство относилось очень подозрительно, то иосифовские справщики повели дело очень осторожно: сначала решились подготовить почву для замышляемого дела, а потом, когда общественное мнение будет несколько подготовлено, приступить и к его осуществлению. Уже Кириллова книга и Книга о вере значительно подрывали, как мы видели, предубеждение русских против греков вообще и утверждали русских в той мысли, что греки так же православны, как и русские; после этого оставалось разрушить предубеждение русских против греческих книг и вкоренить в них убеждение, что наши церковные книги должны быть исправлены по греческим, причем исправление должно быть поручено людям, получившим научное образование. Это должно было сделать очень обширное, составленное в Москве, предисловие к грамматике Мелетия Смотрицкого, напечатанной у нас в 1648 году.

В предисловии к грамматике Мелетия Смотрицкого приводятся обширные выписки из тех сочинений Максима Грека*, где только он говорит о своих книжных исправлениях. Всеми этими выдержками из сочинений Максима Грека имеется в виду внушить читателям такие мысли: русские церковные книги действительно очень неисправны, заключают в себе много погрешностей, которые произошли или от недостаточных знаний всех тонкостей греческого языка первыми переводчиками, или "от преписующих их ненаученных сущих и неискусных в разуме и хитрости грамматикейстей", которые, "после первых", "хотяще якобы исправить и набольше испортили". Исправление книг Максимом было не только делом необходимым, но и богоугодным, почему Максим и осуждает тех, которые "не

точию возбраняют такому богоугодному делу", но даже называют его за это еретиком. Исправление русских церковных книг не может "прилагать велию досаду возсиявшим в русской земле преподобнейшим чудотворцем", которые "сицевыми священными книгами благоугодиша Богови", как это говорили неразумные люди Максиму. Дары Святого Духа даются людям различные - одному дар понимания языка, а другому, и именно русским святым, этого дара не было дано. Русским чудотворцам также не может быть никакой досады от книжных исправлений, как от того, что Симмах, Федотион и Акила исправили Ветхий Завет не было поношения всем тем святым, которые жили до них. Русские книги следует исправлять и именно по греческим книгам, как своему первообразу и первоисточникам подкрепление чего предисловие приводит следующее мнение об этом ученика и сотрудника Максима, Силуана: "Аще ли кто от ученых обрящет разум разуму несогласующ, той да вручит первообразную ону богодохновенную историю еллинскую, самую ту матерь сея, и тако от тоя сумнение свое и иных многих да разрешает и неисправленное исправляет без сомнения всякаго, сия и нам приятна и зело желательна, *кроме же сия да не прельстится починити, да не реку испортити*". Исправлять русские книги с греческих должны только люди, в совершенстве знающие греческий язык и при этом хорошо изучившие разные науки. Максим Грек говорит об этом: "Аще кто недоволен и совершенней научился будет яже грамматикии и риторикии и самая философии, не может прямо и совершенно ниже разумети писуемая, ниже приложити я на ин язык". В другом месте он говорит: "Еллинский язык, сиречь греческий, зело есть хитрейший, не всяк сице удобь может достигнути силы его до конца, аще не многа лета просидел кто будет у нарочитых учителей и той, аще грек будет родом и умом остр, еще же и охочь, а точию не таков, учится убо от части, а в совершение его не дошел, якоже обретаю случшееся и приснопамятных преводников святых писаний от греческаго языка на русский...". Приводятся и следующие слова ученика Максима, Силуана: "Вем многих от тщеславия в таково безумие пришедших, яко неведети ничесого грамматичнаго устройства, ниже родов, ниже времен, ниже окончаней и прочих таковых, яже изложиша премудрейшие учителя, та же с таковым неразумием шатающихся прелогати неудобь разумная и исправляти, да не реку сопротивная творити"**.

* Мы приводим здесь содержание только второй части предисловия, о первой же, трактующей о пользе научного образования, скажем после.

** Иосифовские книжные справщики и ранее 1648 года заявляли уже об исправлении книг по правилам грамматики и о необходимости ее изучения для справщиков. В послесловии к Апостолу 1644 года они говорят: "И о сем же вас не умолим, яко да не позазрит ваша купно общаго совета совесть, егда убо узрите в письменех (якобы реши за недовычение) странность, или в просодии, и возмнится вы яко ново сие и необычно: ей, ей, не ново и не нами убо сия вписашася, но ово убо оть древних ведущих доброписцов наша Великия Русин, овоже от грамматического любомудрия, сиреч от осмочастнаго разумения и правления в родех, в числех, в падежех, во временех, в лицах, в наклонениях... А грамматического убо, сиречь осми частей слова и разума ведение,

трудно, но внятно и смыслу сердец наших просветительно; без сего убо, кто и мняся ведети, ничтоже весть, того ради учайся и внимаяй, да внимает и о прочих".

Таким образом, под покровом авторитета всеми уважаемого и почитаемого Максима Грека, этого единственного ученого человека Московской Руси, иосифовские книжные справщики смело и решительно проводят ту мысль, что русские церковные книги очень неисправны и потому нуждаются в немедленном тщательном исправлении, которое не заключает в себе ничего предосудительного или противного благочестию, что исправлять наши церковные книги следует по греческим, как своим первообразам, так как только под этим условием наши книги могут издаваться вполне исправными, что исправление книг должно быть поручено людям не просто только знающим греческий и славянский языки, но людям правильно и научно образованным, так как только они могут понимать все тонкости языков греческого и славянского.

Эти заявления иосифовских книжных справщиков произвели свое действие. В 1649 году, по вызову правительства, к нам являются ученые, знающие греческий и латинский языки, киевляне Епифаний и Арсений, а в следующем, 1650, году - Дамаскин Птицкий - для перевода Библии с греческого языка на славянский. И другие церковные книги уже при патриархе Иосифе начинают у нас исправлять с греческих, о чем открыто и заявляют иосифовские книжные справщики. В послесловии к известной иосифовской Кормчей, которая начата по повелению государя, "по совету и благословению" патриарха Иосифа в 1649 году 7 ноября, говорится: "Буди вам, христоименитому достоянию, всем известно: яко да союз мира церковнаго твердо, в душе кротости хранится и да не будет, несогласия ради, распри в церковном телеси, сего ради многия преводы сея святыя книги, Кормчий, ко свидетельству типографскаго дела собрани быша; в них же едина паче прочих, в сущих правилех крепчайши, *наипаче же свидетельствована ту книгу греческая Кормчая книга*, Паисии, патриарха святого града Иерусалима, яже древними писцы написана за многая лета, ему же патриарху Паисии (в та времена) бывшу в царствующем граде Москве". В послесловии к Шестодневу 1650 года говорится: "Подобает ведати, яко яже в книге сей указы о ипакоях, на павечернях по трисвятом, и на полунощницах по трисвятом же, и по шестой песни, вместо воскресных кондак, указаны на ряду кондак - заступнице Христианом, отложити подобает. Глаголати же вместо того и на павечернях и на полунощницах и по б песни, егда не поется святому полиелеос, непременно воскресные кондаки высоты ради воскреснаго дне; ипакой бо точию по непорочных глаголются, *понеже и во греческих переводах по сему же уставу обретохом*, еже воскресные кондаки на тех местех глаголати. *Сего ради и последующе сему такоже указахом и положихом в конце книги сея*. На ряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о сем, *зане с прежних переводов печатано, а греческих еще не видехом*". То есть справщики заявляют, что положенные ими в самой книге указы вместо воскресных кондаков петь в означенных случаях кондак "заступница усердная" следует оставить и петь воскресные кондаки, как это показано на двух последних припечатанных после листах книги. Эту перемену они производят потому, что так найдено ими

положенным в греческих книгах. В самой же напечатанной ими книге "Шестоднев" эти перемены не произведены потому, что во время печатания книги у них еще не было под руками греческих книг и им пришлось печатать с прежних переводов, греческие же книги явились, у них тогда, когда печатание Шестоднева уже было кончено. Ясное дело, что уже при патриархе Иосифе не позже 1650 года решено было при издании церковно-богослужебных книг справляться с греческими книгами и по ним производить нужные исправления, причем, как это видно из приведенных свидетельств, иосифовские справщики не только на деле справлялись с греческими книгами, но и давали им в случае разногласия преимущество пред славянскими переводами.

Таким образом, при патриархе Иосифе не только точно и определенно намечена была та программа книжных исправлений, которой потом следовал Никон, но уже при Иосифе ее начали приводить в исполнение, при нем найдены были и ее исполнители, так что Никону в этом отношении приходилось только продолжать то дело, которое было начато его предшественником.